

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ Михаила Саакашвили

ЛАГЛИ МОРОШКИНА

ПРЕЗИДЕНТ
и чемпион мира

Тайны политики

Лали Морошкина

Я, президент и чемпион мира

«Издательство АСТ»

2016

УДК 82-94
ББК 84(2)6

Морошкина Л.

Я, президент и чемпион мира / Л. Морошкина — «Издательство АСТ», 2016 — (Тайны политики)

ISBN 978-5-17-097719-2

«Я, президент и чемпион мира» – это книга-автобиография, книга – свидетельство очевидца о Михаиле Саакашвили – одной из самых спорных фигур грузинской политики. Школьная подруга бывшего президента Грузии, Лали Морошкина, рассказала о скандальном пути становления Саакашвили в большой политике. Лали Морошкина – грузинский журналист и правозащитник. В эпоху Шеварднадзе она занимала должность заместителя министра по особым делам, а после ухода Михаила Саакашвили работала главным советником министра по исполнению наказаний.

УДК 82-94

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-17-097719-2

© Морошкина Л., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Грузия Лали Морошкиной	6
Школа	7
Красный галстук	10
Первая любовь	12
Отец	15
Кети	19
Вера	23
Похищение	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лали Морошкина

Я, президент и чемпион мира

Книга посвящается погибшим в братоубийственных войнах – парням и девушкам моего поколения.

Лали Морошкина

Всё обнажённое прекрасно, лишь раздетое смешно.
Юкио Мисима (1925–1979)

© Лали Морошкина, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Скажу сейчас же: – это литература, и чтоб ее написать, ты сам же должен все пережить, и только после этого у тебя будет право на рассказ.

Каждая книга так же похожа на своего писателя, как и ребенок похож на своего родителя или близнец на своего двойника.

Если спросить меня, это автобиография, соединенная разными художественными пассажами, и очень смелая.

Переполненная правдой, и поэтому мало кто посмеет поделиться своим мнением о книге, тем более высказать положительное мнение.

Время очень ужасное и беспощадное, даже тогда, когда мир спокоен, тем более сейчас, когда весь сегодняшний мир полон боязнью и угрозами, когда каждый день проходит в ожидании плохого.

Да, чтобы написать то, что я прочитал, требуется талант!

Французы говорят: «Талант это авантюра». В этой книге немало интриги, но это с достаточным мастерством перенесено на бумагу.

Для меня очень интересны параллели с персонажами разных времен, которые прямо, почти без подтекстов, подсказывают нам, что можно написать из-за вины людей (с определенным талантом и смелостью). Исходя из чего, будущее поколение будет обсуждать, где мы жили и как мы жили.

Кто? Кто напечатает эту книгу???

Именно здесь появляются три вопросительных знака. С одной стороны, я уверен, она прямо придет к читателю, хотя бы потому, что в ней запечатлено то время, в котором живет сегодняшняя Грузия.

Реваз АМАШУКЕЛИ

9 апреля 2012 года

Грузия Лали Морошкиной

РАМАЗ САКВАРЕЛИДЗЕ

Политолог, доктор психологических наук

Звонок по мобильнику заставил меня остановить машину. «Слушаю!» «Батоно Рамаз! Не удивляйтесь, я Лали Морошкина. Хочу сделать вам предложение. Когда мы сможем поговорить?» Звонок звонком, но о каком предложении речь? Написать рецензию на книгу. «Лали, генацвале, я не литератор. Это гораздо лучше сделают другие. Я и так берусь за много таких дел, которые меня не касаются...» Но моя уловка не удалась. Лали от своего не отступала. «Мне как раз важно, что вы профессиональный психолог, хочу, чтобы читатель посмотрел на книгу вашими глазами». Моими глазами?! Знает ли Лали, что я хорошо отношусь и к ней, и к тем людям, о ком идет речь в книге? Видимо, ей и нужна была эта благожелательность и доброта. Ну, как я мог отказать. Вот почему я согласился написать эту рецензию, и пусть простит меня читатель за эту наглость.

Два дня у меня были заняты. Вечером третьего я открыл книгу, открыл и больше не закрывал, прочитав ее до конца на одном дыхании. В ней настолько живые картины, что кажется, будто смотришь фильм. Это чувство возникло и потому, что я видел подобный фильм. Осознание пришло позже – книга оставляет вкус «Амаркорда» Феллини. Ты будтоходишь в огромную веселую и шумную людскую галерею, где самая веселая и шумная – сама Морошкина. Она не зритель в этой галерее, а ее центр. И, что главное, в этой галерее нет плохих людей, в каждом найдены красота, доброта и оправданы человеческие слабости. Именно это большое тепло делает книгу исключительно грузинской.

Грузинское, Грузия – одна из важнейших тем этой книги, один из персонажей. Как у всех персонажей этой книги, и у нее есть сердечная боль, радость и любовь. И какая это Грузия. Не историческая, а та, с которой каждый из нас перенес все перипетии периода от Советской власти до наших дней. (Литературное описание этого периода – большая редкость). Это книга, в которой увидят Грузию и ее жителей не только нынешние читатели, но и наши потомки. Да и не только наши соотечественники. Очень серьезные исторические и аналитические пассажи сближат с Грузией любого заинтересованного иностранца. Молодец, Морошкина!

Литературоведы, наверное, затруднятся в точном определении жанра, в котором написана эта книга. Казалось бы, ясно, что мы имеем дело с мемуарами. Но если не думать, что за каждым именем стоят реальные люди, книга читается как захватывающий роман. Я не буду уточнять нюансы жанра (и так много взял на себя), могу только поделиться эмоциями. Вот увидите, как только закроете эту феерическую книгу, ее персонажи продолжат пребывать с вами, потому что не полюбить Грузию Лали Морошкиной просто невозможно.

* * *

Книга Лали Морошкиной – уже акция. Это новация для Грузии, хотя на Западе и в России такое уже делалось, а сейчас и грузинские читатели могут насладиться этим. Умная женщина с яркой внешностью и волевым характером всегда привлекала сильных мира сего. Учитывая личные и политические контакты Лали, книга «Я, президент и чемпион мира» является сенсацией, способной взбудоражить общественность. Могу лишь добавить, что книга обречена на успех!

Тина Канделаки

Школа

Первого сентября 1975 года Тбилисская первая республиканская экспериментальная средняя школа, широко раскрыв «украшенные» проволочной сетью металлические ворота (между прочим, именно эта деталь никак не могла заставить вычеркнуть из моей памяти идентификацию школы с виденным в кинофильмах о Великой Отечественной войне концентрационным лагерем), ожидала новобранцев 1968–1969 года рождения.

Обилием «Волг» и «Чаек» школьный двор больше походил на открытие XXVI съезда КПСС, чем на праздник по случаю приема нового потока учащихся, по той простой причине, что, по мнению сильных мира сего, именно эта школа давала «должный» уровень, формировала «нужный» круг и порождала «здоровые» амбиции для того, чтобы увидеть в ярком свете перспективы счастливого будущего.

Между прочим, в то время никто ещё не знал, что пройдут годы и «золотую доску почета» именно этой школы украсят Михаил Саакашвили (президент Грузии), Зураб Жвания (трагически ушедший из жизни экс-премьер-министр страны), Ирина Саришвили (экс-вице-премьер), Нино Джангирашвили (владелица оппозиционного телеканала «Кавкасия»), Каха Шартава (сын трагически погибшего во время грузино-абхазского конфликта национального героя Грузии Жиули Шартава, лидер политического движения «Гражданский форум»), Манана Козакова (дочь Михаила Козакова, ведущая актриса Тбилисского академического драматического театра имени Коте Марджанишвили), Закария Куцнашвили (юрист, руководитель неправительственной общественной организации), Марина Салуквадзе (искусствовед, тележурналист), Тея Демуришвили (прима Мадридского оперного театра), Лаша Надареишвили (издатель газеты «Асавал-Дасавали») и многие другие...

Я так крепко держалась за мамину руку, что очень скоро на ее не меньше моей дрожащей хрупкой руке были ясно видны следы моих крохотных пальцев, ведь мне было только пять лет. Боялись мы обе: мама – трудной, весьма специфической грузинской обстановки, ну, а я совершенно нового и неизвестного этапа моей жизни.

Дело в том, что моя мама – Манана Каркаршвили – совсем недавно, буквально несколько лет назад, переехала в Тбилиси из Сочи по настойчивой просьбе главы нашего рода бабушки Аграфены и, соответственно, не очень «шпрехала» по-грузински, но у дочери «престижных» родителей заведующей аптекой Наны Учадзе и министра Арчила Каркаршвили, да к тому же супруги ученого Талеса Шония (мой отчим) снобистский выбор был predetermined заранее. Что касается моего отца, он появился в моей жизни значительно позже.

Итак, после небольшой вступительной речи и здравниц в честь великих коммунистических принципов и идеалов мы, первоклашки, как растерянные гуси, разошлись по классам.

Первая учительница – уникальный феномен! И если в моей жизни (благодарение Господу!) было много добра и чудес, то одно из них – госпожа Лейла Кинцурашвили, или, если точнее, Лейла-масц. (сокращенно от «масцавлебели» – учитель, как принято обращаться к педагогам в грузинской школе. – *Л.М.*)

Добродетельная, милостивая и терпеливая, она отвечала на читаемые в наших глазах страх и недоверие любовью и мудростью.

После первого же прочтения списка учащихся была predetermined моя судьба.

– Морошкина, Лали. Русская. Ты откуда, милая?

Я грузинка, ответила я, не поняв, почему учительница выделила меня из 45 детей, задав такой странный вопрос. На задаваемый в последующей жизни в разных тональностях этот вопрос я, наверное, миллион раз отвечала, повторяла и даже кричала:

– Я грузинкаааааааа!

Красный галстук

Наверное, у каждого учащегося в его школьной летописи особое место занимает буфет. Много лет я пыталась объяснить «тайну» школьного питания. К каким бы изощрённым способам не прибегала моя мама, овладеть кулинарным чудом, называемым «школьная котлета», ей так и не удалось. А чуть подслащённые коржики и «язычки» – так это и вовсе было праздником вкуса.

Вероятно, сегодня всё это такой же раритет, как красный пионерский галстук.

Звонок на большую перемену и «армагеддон» в школьном буфете совпадали по времени. Каждый как мог старался протиснуться к заветному кусочку лакомства, передвигаясь в основном по конечностям друг друга. Оставшееся до звонка на урок время заполнялось такой «сверхинтеллектуальной» игрой, как «Здравствуй, осел!» Правила игры были столь же простыми, как все гениальное на этом свете. В частности, ребята, перевоплощаясь в ослов, словно всадники на импровизированном «животном», перепрыгивали через препятствия. «Осло» был тот, кто оставался последним.

Я и моя школьная подруга (мы дружили с первого класса), голубоглазая и румяная блондинка Марина Салуквадзе, затаив дыхание, следили за развлечениями «старших». Марикуна, как мы ее ласково звали, не жаловалась ни на габариты, ни на аппетит и безостановочно что-то жевала, причем с таким наслаждением, что сидящий за нашим столом пятиклассник время от времени пощипывал ее пухленькие щечки.

В этом шуме, гаме, пыли и переполохе особым озорством отличался один мальчик, чьи изумрудные глаза маленькими дельфинчиками выплывали в общей кутерьме, останавливая взгляд на ком-либо из присутствующих. На сей раз его взор был прикован к нашему сотрапезнику.

– Эй, Мишка, что ты с девчонками болтаешь, давай к нам, проигрываем ведь... – орал «принц из грязи».

– Да отстань ты, знаешь, каким перепачканным я вчера домой вернулся?

– Вах, что за чистюля, ты что, в оперу собрался! Иди, подсоби, а то век не отыграемся! – И зеленоглазка опять исчез в толпе потных сорванцов.

И почему я обратила внимание на цвет его глаз?

– Мальчик, как тебя зовут? – не вытерпела я и первая заговорила с предметом интереса играющего мальчика.

– Я Мишико Саакашвили, а ты?

– Я Лали Морошкина, а это Марина Салуквадзе, просто Марикуна.

– Морошкина? Ва, русская, здесь откуда?

– Оттуда, – сказала я и повернулась к нахалу спиной.

– Хорошо, хорошо, да пошутил я. Ты в каком классе?

– В третьем, – с гордостью ответила я и с завистью посмотрела на его алый чистенький галстук. Он уже пионер! Скорее бы прошли два года...

– И Марина в третьем? – спросил явно удивленный Мишико.

– Да, и Марикуна.

– Уф, я-то думал, что она старше. Видимо, и вправду у неё отменный аппетит, – засмеялся наш новый знакомый.

Марикуна тем временем азартно болела за мальчишек, а наш разговор ее совершенно не волновал.

– Ну давай же, Нукри, давай, покажи класс этим балбесам из шестого «а», – кричала растрёпанная Марикуна и размахивала зажатым в правой руке бантом, который всего пару минут назад украшал её длинную косу.

Тем временем в моей голове вертелась лишь одна мысль: кем был этот сказочный изумрудоглазый принц в разорванной сорочке, испачканной в грязи, есть ли у него возлюбленная, и вообще, как было бы здорово находиться рядом с ним в буфете каждый день...

– Познакомься, это мои новые подружки – Лали и Марикуна, – опустил меня, витающую в мечтах, на землю голос Мишико.

– Я Нукри Чаганава, – грубо сказал поверженный в поединке рыцарь, отобрал у Мишико дважды надкушенную котлету, уполовиненный коржик и сразу перешел к делу.

Э, парень, какое время заниматься этими молокососками, мы же проиграли!

– Подумаешь, сегодня проиграли, завтра выиграем, вот принесу сменную одежду и покажем им, «где раки зимуют», а то мне вчера здорово от мамы влетело!

– Давай, брат, а то ведь знаешь, потом не вылезем из челюстей «стариков», домой-то через «биржу» возвращаться (места толковищ «золотой молодежи» Тбилиси в советское время. – Л.М.). Да, кстати, ты деньги принес?

– Какие деньги? – спросил Мишико с явным удивлением.

– Вот бестолочь! Ты что, забыл, мы должны отдать их Чхаидзе. А не то увидишь, как они устроят нам «В гостях у сказки!»

– Пойдем, Лали, звонок уже прозвенел, – доставала меня Марикуна.

Я с трудом волочила ноги к выходу. Тем временем в буфете исчезали в пыли силуэты свекольного от натуги растрепанного Нукри и жующего концы алого галстука возбужденного Мишико.

Первая любовь

В школе царила необычайная суета. Шло приготовление к 1 мая, школьное торжество ежегодно вносилось в перечень обязательных праздничных мероприятий второго полугодия, к которым, естественно, готовились и мы. На сей раз подготовка отличалась особым усердием. Дело в том, что в Грузии, в частности, в Тбилиси, а ещё конкретнее – в нашей школе, гостили партийная элита ГДР и передовой педколлектив советских учителей.

Гости из Германии щедро раздаривали прошедшим инструктаж ученикам сладких мишек «Харибо» и жевательные резинки, а заодно практиковали наш немецкий, ведь мы являлись подопытными кроликами в спецшколе широкого профиля! Наши ученики, недурно подкованные на мероприятиях подобного рода, не терялись и в свою очередь скороговоркой выпаливали переведенный на «передовые» языки мира коммунистический шедевр Маяковского «Паспорт».

Правда, никто не понимал друг друга, но это мало кого беспокоило. Главное, контакт, худо ли, бедно, состоялся. Нервный заряд достиг своего пика. Учителя, как оголтелые, бегали за сладостями и выпивкой для банкета, ведь делегацию требовалось ещё и задобрить, а там, гляди, и Государственная премия не за горами.

Мы же, младшеклассники, как наиболее «покорный электорат», принимали молчаливое участие в этом помпезном мероприятии. Впрочем, «молчаливость» была лишь внешней, наше подсознание рождало множество вопросов, но юный мозг не давал готовности к ответу. Наверное, именно подобные моменты называют «собираанием истины по крупице».

Мы с моим зеленоглазым рыцарем сидели рядом. Мне нравилось ощущать его дыхание, смешанное с табаком, и вызванные неловкостью юношеские телодвижения, направленные то к Мишико, то к моим подругам Марикуне и Кети. Несмотря на то что «чесание языками» сидящей за нами «троицы» не прерывалось ни на минуту, а предмет их бурной фантазии был всем известен, я, совершенно отрешенная, охваченная от мозга до костей каким-то новым чувством, уже виртуально стояла у сцены, жадно впитывая каждое слово и представляя себя каждым из персонажей.

На сцене актового зала появился чернявый, с горящим взором юноша. Неожиданно для всех прозвучал его литературный выбор:

«На страже боевых знамён»

На скале уже нет дворца,
Возведённого встарь народом...
Кто не видел его конца? —
Падал свод за высоким сводом.
Истребляющего огня
Ненавистная сила крепла.
И остались на склоне дня
Только камни да груда пепла.
На скале сад зелёный рос,
Ключ струился в зелёной чаще.
Сад увял, и не видно роз,
Высох в пламени ключ звенящий...
Сад засохший, умолкший стих...
Лишь бездомного ветра шорох
На дорожках, давно глухих,
Да листвы пожелтевшей ворох.

Осень ранняя так грустна —
И знамёна как будто немые.
А недавно цвела весна,
На знамёнах цвели эмблемы.
Но у тех боевых знамён
Власть волшебная, власть всё та же.
Их храню для иных времён,
Неотступно стою на страже.

– Нукри, это чьи стихи? – спросила я.

– Тссс... – приложил к губам указательный палец мой изумрудоглазый рыцарь. – Это Галактион! (Галактион Табидзе – великий грузинский поэт XX века. – *Л.М.*)

– Аа, – многозначительно и гордо прошептала я, будто Галактион посвятил свой самый выдающийся шедевр – стихотворение «Мэри» моей бабушке.

– Я не знаю этого парня. Он твой одноклассник? – тараторила я дальше.

– Нет, это Зураб Жвания из девятого класса, но, несмотря на разницу в возрасте, мы с ним дружим, к тому же, он мне очень помогает на республиканских контрольных работах. Вроде он сегодня собирался читать совсем другое стихотворение... и вообще, он большая душка. Лали-бали («бали» по-грузински черешня. – *Л.М.*), ты всегда говоришь безостановочно?

Я в замешательстве опустила голову, потом поняла, что в такой мученической позе мне долго не продержаться, и высунула язык, так широко разинув рот, что Нукри были видны обе мои миндалины.

Грубо вытуренные из актового зала, мы ещё долго слышали патриотические строки Ильи Чавчавадзе, с закрытыми глазами и искренне, проникновенно исполняемые Лашей Надареишвили:

О мать Божья! Отчизна – твой удел...

Заступницею будь истерзанного края!
Прими как жертву кровь, которую картвел
Столь щедро проливал, в страданиях погибая.
Довольно этих мук для Родины моей,
Верни моей стране стремление ко благу,
Даруй ей бытие далеких славных дней,
Вдохни в сердца сынов отцовскую отвагу!

– Лали-бали, пойдешь за меня замуж? – услышала я заплутавшие между грузинской классикой и душевной болью слова. – Обещай мне, что бы ни произошло, ты меня дождешься и нашему сыну дашь бессмертное имя великого полководца Александра Македонского!

– Македонского? Ты что, сдурел? Ну при чём тут Македонский? А может, попросту Сан-дрикком назвать, ну в смысле в духе времени. Что за мания величия у тебя?

– Ладно, твоя взяла, представляешь, как нашим внукам будем рассказывать, какими клёвыми и крутыми мы были в молодости, обалдеть!

– Нукри, послушай, а твой отец, часом, не обидится? На что?

– На то, что вопреки кавказским обычаям первого внука не назовут его именем?

– Лали-бали, ну какая ты дурочка, как ты могла такое подумать? Тебя же все любят. А давай-ка детей назовем твоим именем. Посмотри, как звучит: «Лали первая, Лали вторая» и так далее... – хохотал Нукри и параллельно ударял кулаком по школьному портфелю.

– Ты дебил, настоящий дебил, я хочу домой, – безапелляционно заявила я и быстрым шагом направилась к дому.

– Ты что, и вправду обиделась? Ну, хорошо, назовем его, как хочешь, хотя бы Виктором. Это ведь имя твоего отца? Давай сделаем ему такой подарок, – стонал Нукри, с трудом сдерживая смех вперемешку со слезами.

Слова эти, словно выстрел, поразили мое сердце. Виктор – мой отец? Как объяснить этому избалованному жизнью, самодовольному сынку чиновника высокого ранга, что я, его первая любовь Лали Морошкина, не знаю своего отца, известного педиатра, первого генетика в Грузии Виктора Морошкина – просто не знаю, не знакома, не видела, понятия не имею, какой он, что любит и что ненавидит, как он выглядит, чем дышит, просто не знаю, и всё!

Отец

Что может быть более неадекватным в тринадцатилетнем возрасте, чем первая любовь? Столько вопросов возникает одновременно! Может, он не понравится маме? А, может, я – маме Нукри? Да еще с русской фамилией? У мегрелов (жители региона в Западной Грузии. – Л.М.) ведь национальный вопрос особенно обострен, правда, они городские, может быть, пронесет...

Первый тест был почти пройден. Я и калбатони Лия, Нукрина мама, болтали на кухне, вернее, я болтала, а она мило улыбалась. Спелая, сочная клубника так и таяла в руках – оказалось, что черенки ягод срываются круговыми движениями! «Черт побери, почему я не должна была знать об этом раньше, какое месиво получилось, только на джем и пускать. Вот приду домой и устрою маме...» – ворчала я про себя, с ног до головы выпачканная пурпурными ягодами.

Те, кому знакома подобная ситуация, наверное, согласятся, что даже если вы были бы самым известным итальянским шеф-поваром с миллионом наград и двадцатилетним стажем, первая встреча с родней возлюбленного обязательно выбила бы вас из обычной колеи. Выбила и меня. Первая встреча со строгим заместителем министра транспорта Лери Чаганави завершилась «продуктивным фиаско». Полная сочных ягод клубники миска не нашла адресата.

Родители Нукри сочли это делом житейским, а красные клубничные пятна на новом ковре – импрессионизмом. Так установился наш первый контакт длиной в жизнь...

Жизнь это шахматная доска, где фигуры последовательно сменяют друг друга. Настало время и моего хода. В игре не хватало лишь одной фигуры – моего отца, биологического родителя, с такой редкой для Грузии, но для меня до боли родной фамилией Морошкин.

Я, мама, брат и Талес жили в Сабуртало на Будапештской улице, в доме, построенном немецкими военнопленными.

После короткого блицопроса с мамой стало известно не только месторасположение жилища папы, но и адрес его работы – республиканской больницы, находившейся прямо под носом, буквально в двух шагах от нашего дома. Ведь молодой отец, да к тому же врач – мечта многих подростков, не правда ли?

– Девочка моя, а ты, случаем, замуж не собираешься? Какое время знакомиться с родителями? – со смехом спросила мама.

– При чем тут замужество? Я что, беспризорная какая-нибудь? Просто хочу, чтобы моего отца знали и я, и мои друзья.

– А Талес? Он ведь постоянно рядом с тобой. Чего тебе не хватает? И вообще, может быть, ты в конце – концов возьмешь его фамилию? Всё-таки жить в Грузии с русской фамилией как-то некомфортно.

– Мама, прошу тебя, ну не начинай заново, мы об этом уже говорили сотни раз. И ты прекрасно знаешь мое мнение обо всём этом. Да, Талес свойский, я называю его папой и люблю, как отца, но у меня есть право знать настоящего! Мне это необходимо, пойми! Ну а о смене фамилии чтоб и речь не заходила! – Я была категорична.

Знаю, что подобные разговоры разбивали маме сердце, но по-другому я не могла. Это был мой собственный выбор, выбор взрослого человека. Стечение обстоятельств не раз ставило меня перед подобным выбором, но ответ был всегда прост: нет!

Мне не давал покоя лишь один деликатный вопрос: ну почему мною, такой маленькой, хрупкой, отличницей, танцовщицей, фехтовальщицей, ведущей на единственном тогда телеканале юношеской передачи «Изучим русский язык» и, в конце концов, первой дочкой – «умницей-красавицей», ну ещё и чуточку хвастливой, не интересуется отец, мой собственный отец! Ну почему, чем я хуже других?

И когда это я получала ответы легко и просто? Для достижения цели я запланировала в ближайшем будущем «крестовый поход» в республиканскую больницу, где работал отец.

О, сколько раз я проводила виртуальные репетиции! Как красиво одетая, с вплетенной в косу золотой тесьмой, широко открываю двери отцовского кабинета и громко, во всеуслышание, говорю: «Здравствуй, папа! Я твоя старшая дочь. Где ты был до сих пор? Неужели тебе ничего не интересно знать обо мне?» Потом он тоже заплачет, прижмет меня к груди, и так, прижавшись друг к другу, мы проживём всю жизнь вместе, и на этом свете будет целых двое Морошкиных! Хотя нет, у меня ведь есть и сестры? Как интересно будет с ними познакомиться! Четверо Морошкиных – это ведь целая команда по мини-футболу!

Как и все заранее запланированное в моей жизни и эта фантазия не получила визу на въезд в бытие... Всё разрушилось, как карточный домик.

* * *

В коридоре больницы молодой человек с кофейной чашкой и сигаретой в руке пытался поправить криво повешенный на больничную стену пейзаж сомнительной художественной ценности.

– Простите, где тут кабинет Виктора Морошкина? – спросила я, и он обернулся...

Чувства, которые тогда меня охватили, не были похожи ни на что, – на меня смотрела Лали, только в мужском обличье и немного старше. На меня смотрела моя копия, или я была его копией? Короче, не знаю...

– Лалка, это ты? – по-домашнему тепло спросил незнакомец и бесцеремонно взлохматил мои волосы.

– Я, – пробормотала я и по возможности собралась с силами, ведь главная миссия была еще не выполнена.

Я ждала ответа на самый главный вопрос своей жизни! Ответ оказался необычайно лаконичным:

– Знаешь, дорогая, когда твоя мама вышла замуж во второй раз, то ее новый муж так ревновал её к каждому моему приходу, что я предпочел оставить тебя в покое для вашего же благополучия, хотя я всегда знал, что когда-нибудь ты вернешься... – сказал он, нагнувшись ко мне и слегка принюхался. – Все правильно, мои девочки пахнут молочком, ювелирная работа!

Это был его единственный комментарий, единственный за тринадцать лет.

Ты думал, что когда-нибудь увидишь меня? Когда-нибудь через лет 30–40? Знаешь ли ты, каково жить в семье, да и в стране, под фамилией, которая постоянно вызывает повышенный интерес, а то и враждебность? Знаешь ли ты, каково, когда мама приходит на праздник одна? Знаешь ли ты горечь того, когда не можешь принести в школу справку с места работы отца, когда тебя никто не ведет в воскресенье на шашлыки, никто не исполняет роль Дедушки Мороза на домашнем празднике, утром растрёпанную, вылезшую из теплой детской постели никто не приглашает в родительскую кровать, не заключает в свои сильные, могучие объятия и не говорит ласковым шёпотом: «Эта красивая девочка – папина дочка».

И ты не говоришь, не кричишь и не плачешь:

– Мой папа – самый сильный, он всех одолеет!

«Молочком пахну, да?» – молча протестовало мое сердце, хотя извергать яд не спешило, ведь впереди меня ждал значительно более важный момент, а свести счеты с этим самоуверенным типом я еще успела бы. Мама была права: «Он не такой, как все, не спеши, Лалико».

Но, как видно, время на сентименты для меня было уже тогда строго лимитировано, я, «вооруженная» с обеих сторон, была готова к широкомасштабной операции под названием «Моя семья» и представлению самоуверенному Нукри обоим, точнее, всех троих родителей. Несмотря на то, что биологический отец был найден и «обезврежен», большое и весьма ответ-

ственное место занимал именно Талес Шония. Ну и что? Чем больше игроков на доске, тем успешнее партия!

Итак, «игра» входила в наиболее активную фазу: «запутывание и деморализация» противника – вот что главное! Я, мама, папа и папа (так я называла и отчима) были готовы к «открытию огня», во всяком случае, таким был мой «варварский» план. Ну и что, что родители ничего и не подозревали о расставленном мной капкане. Ну и поделом некоторым!

Главным было то, чтобы папы действовали именно по моему сценарию. Ведь в фильмах именно отцы ведут невест в храм. А у меня будут двое, по обе стороны! Ох, разобьются сердца у завистников, особенно из 9а класса.

– Нукри настаивает на Александре. Но и Виктор – неплохое имя... А девочке подошло бы «Виктория»... – думала я, попавшая одновременно под поток генетики, любви и двустороннего сквозняка в голове.

Только много позднее я поняла причину раннего невроза моей мамы.

Кети

Хотя прошло уже четверть века, но меня все мучает один вопрос, – в какой больной голове родился дизайн школьной одежды? Ладно, с мальчиковой все понятно: Бог с ними, блестящими от глажки убогого качества синими костюмами, а вот автор формы для учениц должен был быть или маньяком, или педофилом, или душевнобольным. Как можно молодое, растущее тело, которое день ото дня готовится к открытию врат в новый мир, испытывает первые трепетные чувства, которое по своей чистоте безупречно красиво и неповторимо, одеть в траурный коричневый наряд, а затем, будто в подтверждение, что такого безобразия недостаточно, последним штрихом набросить на этот «шедевр» злоеший люциферовский черный передник.

Скажите мне, ну кому пришло в голову сочетание черного и коричневого! Тем более, когда речь идет не о ритуальном (свят-свят, Богородица!) обслуживании, а о внешности юной школьницы?

Исходя из всего вышесказанного, позже я осознала и то, что все, кто тогда упорно боролся с пороками коммунизма, высказывали протест и не разделяли судьбу покорных, либо не достигали зрелого возраста, либо закалялись, как сталь.

Первую группировку «повстанцев» первой экспериментальной школы возглавляла Кетеван Боколишвили. Хрупкого телосложения, шустрая, с зелеными шкодливими глазами и длинными, черными, как деготь, волосами, она была из той интеллигентной тбилисской семьи, где отец – дядя Боря, декан политехнического института, мама – тетя Дали – педагог, отправив старшего сына Ираклия учиться в Московский университет имени М. Ломоносова, полностью сфокусированные на младшей в семье – Кетеван, нежно лелеяли своё чадо.

– Кетеван, если меня еще раз вызовут в школу, я обязательно позвоню твоему брату в Москву, и не жди потом ни подарков, ни сюрпризов! – сердилась тетя Дали.

– Ну мам, что я не учу или не читаю, просто не могу ходить в этой уродливой форме, и всё! Я ведь не покойница!

– Я тебя предупредила, и смотри, передай твоим сорокам, что я и их родителей поставлю в известность! – После этих слов конфликт был исчерпан, и Кети переходила к новому плану действий.

* * *

Директор нашей школы Нора Тариэлшвили могла смело утверждать, что ее школьный сейф в те времена отличался самой уникальной коллекцией в Закавказье.

Дело в том, что замеченные в самовольничанье учащиеся проходили по утрам «коридор позора» педколлектива. Конфискации подлежали часы, кольца, серьги, ленты, цепочки, очки, шарфы, гамаша и, разумеется, крестики... Смелая и непримиримая Кети ежедневно опротестовывала изъятие крестов и усердно готовилась к яростному сопротивлению и самообороне. Крестиков Кети – металлических, деревянных, сплетенных из нитей, – вполне хватило бы на приход любой церкви. А с эстетической точки зрения, они бы украсили любой храм.

Протест Марикуны был другого рода. Недавно вернувшийся из Японии академик Миндия Салуквадзе баловал младшую дочь, постоянно одаривая небольшими сувенирами с «гниющего Запада». Как и в семье Боколишвили, чувства дяди Миндии усиливали и то, что старшая сестра Марины Манчо овладевала испанским в Московском институте имени Мориса Тореза и родители, соответственно, видели ее довольно редко. Так что любимая дочурка папы Миндии и на сей раз пришла в школу с новыми красивыми часами. Наверное, излишне говорить, каким

буржуазным демаршем выглядели эти маленькие цветные часики, которые в считанные секунды переключались с запястья Марикуны в сейф директора, где и обрели вечное упокоение.

Вы не поверите, но самое большое негодование педагогов вызывали красные гетры Мананы Козаковой. Дело в том, что черноволосая, как цыганка, с блестящими озорными глазами Манана, как первая ласточка, приносила весну, и в то время, когда вся школа всё еще ждала завершения морозных осадков и ходила укутанная в теплую одежду, Манана уже с конца марта сверкала привезёнными тётей из ГДР красными махровыми гетрами, из-за чего и была включена в жаркие дебаты с педколлективом.

– Козакова, опять?

– Что «опять», масц?

– Гетры в марте, да еще и красные, это же неслыханно!

– Ну и что, масц, ведь и галстук тоже красный?

– Козакова, если ты не видишь разницы между тем, что повязывается на шею, и тем, что надевается на ноги, хороши твои дела! Как ты смеешь оскорблять пропитанный коммунистической кровью великий галстук?! Завтра же приведешь мать! Завтра, ты поняла?

Мама Мананы, тётя Медея, была одной из самых красивых женщин Грузии. Не скажу, что педагоги с их бесконечными коммунистическими клише и догмами так уж жаждали часто видеть прекраснейшую Медею, но внутренний распорядок школы требовал наказания «непорочной». Порядок есть порядок! Тётя Медея особенно не спешила выслушивать очередной пасквиль на собственную дочь и оставляла на конец учебного года неприятную для обеих сторон процедуру.

У меня были длинные рыжевато-золотистые волосы, и, как «полагалось» в нашей школе, я была довольно-таки избалованным подростком. Моя бабушка Нана Еноховна часто ездила в страны социалистического лагеря и по возможности «выгуливала» и меня, тем более что за детей полагалась дополнительная валюта. Вот почему в моем ларце было множество заколок для волос, лент и других прибабасов из ГДР, Венгрии, Чехословакии и Польши. Каждую ночь, прежде чем лечь спать, я старательно заплетала африканские косички, а затем утром распускала их, волосы казались более густыми и волнистыми. Над чёлкой, как у Леси Украинки, была заплетена коса с вьющейся золотистой лентой.

После каждого моего прихода в школу очередной цербер вцеплялся в волосы, тащил меня в туалет, сперва распускал верхнюю косу, а затем мочил всю голову под ледяным водным потоком. Финальная сцена причёсывание волос, скрепление их в «конский хвост» грубой резиной, отрезанной от велосипедной покрышки, – совпадала с кульминацией истерики «огнеизвергающей» наставницы.

Изредка владельцы табуированных вещей осуществляли друг с другом «выгодный» обмен, в результате чего серьги, ленты, часы, гетры и, конечно же, крестики «кочевали» из одного класса в другой.

Накануне мы с Кети «махнулись». Я выбрала браслет с фиолетовыми камешками, тщетно попытавшись скрыть его под рукавом куртки, а Кети закрепила пышную копну волос моей маленькой божьей коровкой.

В этот день «коридор позора» возглавляла отличающаяся жестокостью и человеконенавистничеством заведующая учебной частью. Почему-то большую ярость вызвала у неё маленькая божья коровка в роскошных черных волосах Кети. «Прошедшим таможеню» она велела разойтись по классам, а Кети приказала остаться.

Больше в этот день Кети в школе никто не видел, она словно сквозь землю провалилась. Её домашний телефон молчал.

Когда на следующее утро наша подруга не появилась на уроках, я и Марикуна бросились на поиски. Кети жила рядом со школой на Бахтрионской улице, в течение дня она бывала одна, родители работали до шести часов, мы знали точно: дверь она откроет сама.

После длительного, протяжного звонка дверь тяжело открылась. То, что мы увидели, было наверное, одним из первых и посему самым глубоким потрясением в жизни каждой из нас.

Кети, закутанная в шерстяной платок, заметно похудевшая, с большими черными мешками под влажными глазами, еще больше увеличившимися на похудевшем лице, странно смотрела на нас. Нет, это не было ни сожаление, ни страх, это было что-то новое, что каждый из нас должен был обязательно испытать в своей жизни.

Испытать, как испытывают идущие на свою Голгофу борцы за истину.

– Что случилось, Кет, мы так нервничали, ты жива? – начала Марикуна.

– Вот дура, не могла позвонить, что ли? – вырвалось у меня.

И тогда Кети скинула шаль.

Трудно точно подобрать эпитеты для описания открывшейся нам картины – от красивых волос Кети осталось несколько ничего не значащих фрагментов. Ее глаза постепенно наполнялись слезами обиды и праведной горечи, но она так и не заплакала!

Кети раскрыла кулачок, и мы увидели на ее ладони мою божью коровку.

– Лалка, я спасла ее от этих живодёров, – сказала она и протянула мне заколку для волос так, будто держала в руках наши души.

Я и Марикуна, потрясенные, слушали рассказ Кети. После того как мы вошли в свои классы, заведующая учебной частью завела Кети в преподавательскую и в ее присутствии позвонила тете Дали. Текст звучал сухо и угрожающе.

– Калбатано Дали! Попрошу срочно явиться в школу! – Завуч бросила трубку. Через пятнадцать минут вздохмаченная, с бьющимся сердцем несчастная тетя Дали взбегала по лестнице к учительской и нашептывала: «Господи, помоги, лишь бы она была жива!» Какие только картины не мелькали перед глазами перенервничавшей женщины. «Господи, помоги!»

Первое, что увидела тетя Дали после того, как открыла двери учительской, была живая и невредимая Кети. Но что тогда произошло?

– Калбатано Дали! Что это такое? Я вас спрашиваю, что это такое? – в истерическом вопле повторяла один и тот же вопрос фурия и показывала на «затаившуюся» в Кетиных пышных волосах божью коровку.

Некоторое время тетя Дали стояла, как ледяная статуя, потом вдруг вскочила, подошла к учебному столу, взяла канцелярские ножницы и потянулась к бедной Кети. На отциклеванный школьный пол один за другим падали Кетины черные локоны и смешивались с опилками в мастике. Вот так же хотели вывалить в грязи школьного пола наше подростковое самолюбие. Оцепеневшая фурия молчала.

У тети Дали сдали нервы.

И тогда мы, три подруги детства, дали клятву, что до конца своих дней, даже ценой собственной жизни, никому и никогда не позволим угнетать ни одну из нас и даже в самые тяжелые минуты защитим и дадим надежду друг другу.

Эта клятва никогда не нарушалась.

Вера

Время бежало быстро. Одна часть моего нашумевшего школьного романа приближалась к завершению, Нукри уже был студентом политехнического института, и наш роман перешел в новую школьно-вузовскую фазу. В моей жизни произошло важное изменение – из-за постоянного гнёта в эксперименталке я перешла в 51-ю среднюю школу. Кети в «Комаровскую», физико-математическую.

Эту школу мне рекомендовал Мишико Саакашвили: мол, вздохнешь, наконец, здесь совсем другая обстановка. Он и сам так поступил два года назад. И я поверила, он ведь был самым рациональным из нас. Правда, было бы лучше, если бы мы перешли вместе, но Мишка ведь был на два года старше. Он и Нукри уже балдели от студенческой жизни. Марикуна как «одинокый волк» несла всю тяжесть первой экспериментальной школы.

Нукри, как правило, ждал меня у филармонии после занятий, провожал домой, а вечером либо он гостил у нас, либо, соответственно, я у него. Наши родители, счастливые подобным мирным урегулированием вопроса, полностью нам доверяли, беспокоясь лишь о том, чтобы нам в голову не пришли какие-нибудь «глупости».

1 сентября 1985 года я с замиранием сердца ждала окончания уроков, чтобы побыстрее выскочить из школы и увидеться с самым симпатичным студентом мира. Сразу же после звонка я бросилась к двери. Неожиданно на пути меня окликнуло «препятствие» по прозвищу Джонджола. Георгий Арчвадзе был самым сильным и популярным парнем в школе, так называемым «смотрящим».

– Морошкина, ты это куда? Айда отмечать 1 сентября! Мы собираемся у Вахо Хоштария, Манко Бараташвили возьмет гитару, ну а девочки подсуеются и накроют стол. Зажжем, как это подобает верийцам! («Вера» – один из элитных микрорайонов Тбилиси. – Л.М.). Это не «Зумбуртало», это Вера, Верааа!

– Во-первых, я не Морошкина, «о» пишется, «а» произносится, понял? Как в слове «молоко». Ну и, во-вторых, я занята, меня ждут!

– Ва, правда? Кто? Твой кавалер из Сабуртало? Не стоит ли ему для начала разбить нос, ну в смысле гостеприимства? Одного из Сабуртало – Саакашвили мы уже выдворили отсюда. Господи, за что мне эти муки, неужели это моя судьба – сабурталинцы? – паясничал Джонджола. – Ну ладно, красотка, сейчас иди и передай своему дружку, чтоб я не видел его на этой территории, не то его «семерка» взлетит в воздух. Ты поняла?

– Нет, – с убийственной самоуверенностью сказала я и протиснулась к выходу между карнизом и рукой Джонджолы.

Говоря о Вере, задумываешься, это район или стиль жизни? Думаю, второе. У Веры есть свой запах, цвет и колорит. Вериец может стать жителем другого района, а вот чужак никогда не станет верийцем. Здесь нужно родиться, именно здесь и нигде больше, затем здесь вырасти в каком-нибудь красивом итальянском дворике, затем ходить на свидания в Кировский сад, заглядывать в «Сачашнико» (магазин, где дегустируют вина. – Л.М.), покупать жареные семечки у цыганки Гуло, поздравлять первого же встреченного обезумевшего от счастья отца с рождением сына в роддоме имени Чачава, в воскресенье ходить за покупками на Верийский рынок, где вас все знают и поэтому не обвесят, ну а вечером насладиться концертом грузинского балета Сухишвили-Рамишвили в филармонии. Вот это и есть Вера, которая никогда не примет «чужака».

Нукри стоял возле 51-й школы, рядом с новенькой «семеркой», которую ему купил отец в связи с поступлением в институт. Он нервно покуривал сигарету, на бледном лице не было ни кровинки.

– Что случилось, Нукри, чего это ты нос повесил, бичо (парень. – *Л.М.*)? Не хочешь поздравить меня с новой школой и началом учебного года? – спросила я, фыркая.

– Да, поздравляю, – сказал он грубо и чмокнул в щечку. – Мишико забрали в армию.

– Что? В армию? Куда? На сколько? – затараторила я и вдруг почувствовала, что с нами происходило что-то очень серьезное и скорее всего плохое.

– Лали, служба в армии в Советском Союзе вообще-то два года, в морском флоте – три. Это так, для информации, – объяснял раздраженный Нукри.

– А что тетя Гиули?

– В Советском Союзе матерей в армию не пускают, – безапелляционно продолжил Нукри.

– Да знаю, хорошо, ведь не дура. Куда его послали?

– На Украину, в Киев.

– А что, нельзя было как-нибудь «соскочить»?

– В Советском Союзе, не пройдя военную подготовку, гражданское лицо не сможет трудоустроиться, и вообще, у него будет «волчий билет» или статус дезертира, – монотонно разъяснял Нукри.

Правда, я не понимала ни одного слова, но наглость и язвительность Нукри не имели границ. Как будто я была виновата в том, что Мишу «забрили» в армию, или это я придумала эту дурацкую воинскую службу!

Чаша терпения наполнилась до краев, и я выпалила:

– Ну и что ты мне язвишь, не пойму. В чем моя вина? Что случилось, мир перевернулся? Или тут кроется другая причина? Наверное, на твоём курсе хорошенькие девушки, и ты с ними кокетничаешь, не так ли? Ты пришел для этого? Ну и говори, пусть тебе хватит мужества! – кричала я.

Нукри внезапно, словно с цепи сорвавшийся, притянул меня к себе и в первый раз в жизни поцеловал в губы. Вы знаете, что значит – впервые в жизни? Это означает в первый раз! В какой-то момент мне показалось, что у меня из-под ног уходит земля. Я чуточку пошатнулась и, если бы не вовремя подставленное плечо Нукри, распласталась бы на асфальте. Звенело в ушах, горло перехватывало, я чувствовала сильное сердцебиение, ну а мысль о том, что все это происходит среди бела дня в самом центре Веры, возвращала меня в горькую реальность. Не хотелось смотреть в сторону школы, я была уверена, что Джонджола такое «зрелище» точно не пропустил бы. Вот мне завтра устроят в классе!

«Хорошо, допустим, два-три дня у меня будет болеть голова, и я пропущу эту проклятую школу, тем более, что обмануть маму не составляет большого труда. Всего-то детские грустные глазки, а остальное «покажут» анализы», – лихорадочно соображала я и прокатывала в голове возможные варианты «болезни».

– Ты с ума сошел? – старалась я отодвинуть Нукри. – Что ты делаешь?

– А вдруг и меня заберут? – промямлил не менее чем я взволнованный Нукри. – Ты знаешь, сколько это – два года? Будешь меня ждать? Кто за тобой будет ухаживать? Кто будет провожать? Как я буду оттуда следить за тобой? Ты же такая балда! Кого-то из наших ребят отправили в Читу, кого-то – в Ленинград, кого-то – в преисподнюю. Что же мне делать, я уже помешался, думая об этом, а ты ничего понимать не желаешь! К тому же этот твой новый одноклассник очень треплет мне нервы!

Правда, когда говорят: самец заранее чувствует появление конкурента. Это что-то инстинктивное, животное и в то же время ужасно азартное. Вот когда мужчина становится настоящим охотником, вот когда чувствует опасность потери принадлежащей ему завоёванной в сражении добычи, вот это и есть крик фермонов. Он и сам погибнет в этой борьбе, но первым выроет могилу противнику. Такова их природа!

Нукри молча вёз меня домой.

– Что планируешь на вечер? – спросил он.

– Одноклассники из «экспериментальной» собираются у Марикуны на цхнетской даче (Цхнети – дачное место вблизи Тбилиси. – *Л.М.*). Ты ведь подвезешь меня?

– Конечно, только допоздна не задерживайся, ладно?

– А ты что, не зайдешь, там ведь все свои?

– Нет, я должен подняться к тете Гиули, женщина сходит с ума, несколько дней ничего не знает о Мишке.

– Хорошо, я на часок-другой, к тому же мне еще столько учить... – простонала я.

– В первый же день? Это ведь не «эксперименталка»? – засмеялся Нукри.

– Нет, это мелодия Верийского квартала, – напевала я, помахав рукой как всегда ожидавшей меня на балконе маме.

Вечером на даче великих предков Марикуны праздник по случаю 1 сентября входил в кульминационную фазу. Время, проведенное в кругу друзей, всегда незабываемо. Что мы делали? Наверное, то, что 15 – 16-летние подростки должны делать в такое время, – баловались, пели и развлекались, а больше всех в тот день шумели и шутили двое юношей: Ираклий Джигладзе и Ладос Татишвили. Кто бы мог подумать, что это было наше последнее пребывание в таком составе.

Похищение

Советский Союз с его неповторимым «обаянием», наверное, отличался еще и тем, что содержал своих «постояльцев» в плену ирреальных ценностей и догм. Да, именно бесправных постояльцев! А как еще назвать граждан той страны, где каждый пятый мечтает о побеге на Запад, каждый второй, осуждая царящую в армии «дедовщину», избиения и изнасилования, вынужден отправлять в этот кишасный ад своих 18-летних обласканных в семье продолжателей рода? А потом только Господь ведает, что с ними произойдет. В противном случае – военный трибунал.

Как называть граждан страны, чьи права не превышали прав крестьян феодальных времен? В советской резервации, стране, находящейся в тени великого Ленина, все это красиво упаковывалось стремлением к коммунизму и «забантовывалось» светлым будущим. Несмотря на высокие доходы, так называемые цеховики и дельцы меняли собственные автомобили хотя и каждый год, но на ту же модель и того же цвета. Приобретение новой машины на зарплату рядового гражданина было такой же утопией, как в свое время идеи Сен-Симона и Фурье.

В Советском Союзе все должны были быть равны. Кредитной системы, как известно, не существовало. Вот толстопузые денежные мешки и удовлетворяли свое «эго» перемещением «нажитого непосильным трудом» добра из одной ценной безделушки в другую. Часто так называемый «институт» близких соседей доносил суть информации «куда следует», что, в свою очередь, сулило большие неприятности, а то и конфискацию имущества. Несмотря на внешнюю скромность и «жизнь на зарплату», за порогом квартиры открывалась совершенно иная картина. Хвала фантазии Кавказа!

Сервиз «Мадонна», изделия Фаберже, саксонский фарфор, хрустальные люстры, кузнецовская посуда и обязательно рояль (хотя его владелец до конца жизни не имел представления, настроен ли инструмент). Таковой была определенная провинциальным мышлением необходимость, без которой считалась невозможной и достойная презентация детей в «нужном» кругу, а об устройстве любимого чада в престижный институт или о предоставлении «достойного» места в городе и говорить-то не приходилось.

Еще одним важнейшим элементом мещанского бытия являлось приданое как в его количественном, так и в качественном смысле! Наличие вышеупомянутого блага давало даже самой непривлекательной девушке шанс «своевременного» создания нерушимой семьи, такой необходимой для грузинской культуры. План был простым и убедительным. Уж очень привлекала приехавших из провинции в Тбилиси молодых людей перспектива денежного теста и обеспеченной жизни. Главным было утвердиться в городе, а богатое приданое, состоятельный тесть и суetyщаяся с горячими хачапури теща отодвигали на второй план неперспективную, мягко говоря, внешность невесты. Ну и что, ведь с лица воды не пить?!

Да здравствуют кавказские традиции, «самые гуманные традиции в мире»! Женись, «пригвозди» ее к кухне, и айда... К благословенным русским женщинам! Тем более что в вояжах такого плана одним из убедительнейших алиби является «благословение» самого теста.

«Иди, сынок, генацвале, гуляй. А как иначе, мы ведь мужчины, вай! Охотники, воины. Если у мужчины заржавеет меч, грош ему цена. Так уж принято, дорогой! Главное, чтобы моя Нанука не узнала, семья ведь – это святая святых!» – Опа, и карты в руки, сам Бог велел!

Совсем иные беседы велись между тещей и дочкой: «Да хватит тебе, ну чего ты ревёшь, дурная? Ну, куда он денется. Немного побесится и вернется. Мужчина как собака, доченька, не сотрётся, иногда его нужно отпускать перебеситься, ну чтобы потом он верно служил. Посмотри на своего отца, немного покукарекал на стороне и вернулся, вай! Теперь сидит целыми вечерами у телевизора, и никто не видел его отклеившимся от дивана. Таков, золотце, наш удел, мы же порядочные женщины! Ну-ка, оглянись, есть ли в четырех подъездах такая

семья, как наша? Подумаешь, у нищих Пертаия нищие невестка с мужем постоянно вместе. Не видишь, что эта несчастная девочка ходит в одном платье, а ты у нас каждый день в новеньком. То ли ещё будет, тьфу-тьфу не сглазить!»

Радикально отличалась позиция членов семьи мужа. Высказывание «Я привела сыну жену» – несравненный образец исключительно грузинского народного творчества. Представьте созревшего оболтуса, которому мама выбирает жену...

Преподнесенное свекровью бриллиантовое кольцо, как «Георгиевский трактат», нужно было принять безропотно и с большой благодарностью, несмотря на то, соответствовало ли дорогостоящее сокровище вкусу невестки. Обручальное кольцо в форме бублика и дюжий бриллиант должны были красоваться именно на безымянном пальце правой руки, чтобы все, повторяю – все, знали не только о незыблемом положении женщины, но и о материальном статусе семьи, что сие кольцо, как зеркало, четко отражало...

В ларце будущей свекрови в энном количестве можно было сыскать нижнее бельё «неделька», «перьевые» пеньюары и множество других «глупостей», которые приукрасили бы ретро-секс-шопы любой страны. Инструкция, как правило, не прилагалась. Всё это являлось скорее игрушкой для душевного спокойствия продолжателя рода. По крайней мере, по мнению Ее Величества Свекрови.

Вместе с рождением сына невестке давался еще один шанс в розыгрыше семейной лотереи, что, в свою очередь, не исключало получения денежного приза и других ценностей в виде золотых украшений или даже норковой шубы. Наверное, читатель думает, что еще нужно женщине? Отвечу: дело в том, что все вышеперечисленное благосостояние на протяжении времени по копейке, по волоску, по каратику, целенаправленно вытягивалось из горла нового члена семьи вместе с ее нервами! Сага «невестка-свекровь» хранит такие «жемчужины» садизма, что и не снились ни одному известному серийному убийце и маньяку. А Чикатило и вовсе отдыхает!

В грузинской культуре рождение ребенка – особый феномен, будто в других странах детей приносят аисты. Фраза «Я родила тебе сына» звучит как приговор, и, что главное, этот «железный» аргумент работает до конца жизни. Только в грузинском языке существуют такие определения, как «разрешение», «благополучное завершение», 40-дневный переход в родительскую семью, еда до сплетения кишок, а затем похвальба излишним весом. Давать деньги несущему благу весть допустимо, но лишь в том случае, если родился мальчик, и апофеоз этого неизбежного хаоса – двухнедельный запой мужа именно в то время, когда он нужен новоиспеченной маме и ребёнку, как кислород.

Короче, как говорят, по принципу «коса на камень» о способностях «противоборствующих» сторон можно сочинить многие тома. Но мы не продолжим эту тему и вернемся в сентябрь 1985 года.

Хотя учеба в школе возобновилась три дня назад, я и мои девочки были уже на третьем «шатало» (пропуск школы. – Л.М.) и скрывались в так называемом «Красном саду». Несмотря на то что для «шатало» лично мне «полагался» Кировский парк на Вере, мое сердце склонялось все-таки к Сабуртало. Пребывание с девочками было куда приятнее, чем наличие и интерес поклонников в новой школе.

– Э нет, из-за такой жизни можно повеситься, лучше уж никогда не выходить замуж, – сказала Кетино и с сожалением посмотрела на маму нашего одноклассника, выгуливавшую в сквере, где мы собрались посплетничать на «шатало», маленьких детей. На руках несчастной женщины был один сопливый ребенок, а другой ковырялся в песочке. В её глазах не чувствовалось жизненного огонька, она была измождена.

– А что, никто не поможет, а? – спросила Марикуна.

– Кто, Вахо? Он же натуральный лоботряс, жди от него помощи. И отца вот уже полгода никто не видел. Говорят, он с кем-то спутался в Волгограде и теперь живет с ней. И чего она рожала троих? – рассуждала я.

Интересно, а сколько детей будет у нас? Я, например, хочу троих. Только ясно, что у моих детей не будет приложения в виде такого папаши, как у Вахо, – сказала Кети и захохотала.

– Да, мужем Кети станет пухленький, низенький профессор-очкарик, который будет ее постоянно возить на симпозиумы, – смеялась Марикуна, указывая на Кети.

– А я подожду принца, он прилетит на собственном самолете и заберет меня с собой. Я рожу ему двух или трех золотых волосиков, а он, как это бывает в сказках, подарит мне дворец, фаэтон и полцарства! – Марикуна так ярко иллюстрировала сказанное жестиком, что мы покатались со смеху.

– Я и вправду не знаю, к тому же о родах такое рассказывают, мало не покажется. Наверное, я вообще не буду думать о замужестве. Знаете, отец сказал мне, что после школы отправит меня в Москву, во второй медицинский, у меня там дядя Ильюша – самый крутой онколог в Союзе. Здорово, не правда ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.